

Ли Мэн, согнувшись, прятался в толпе, высматривая Чжао Лои. Дрожь, колотившая его от страха и тревоги, постепенно улеглась — люди, которых привёл Таоте, явно взяли положение под контроль.

Одна из женщин в отряде Таоте — судя по всему, зазноба Чжу Тяня — обнаружив, что тот онемел, пришла в ужас. Окружив его заботой, она отвела его в сторону, где лекарь Башни уже знаками просил Чжу Тяня разинуть рот.

— Ты чего головой крутишь? — шёпотом спросил Цюй Линьхань.

Хотя они оба были учениками Чжао Лои, здесь, среди грозных мастеров Башни, младшим слова не давали. Линьхань заметил, что его названный брат так и рыщет взглядом по сторонам. В ярком свете факелов он разглядел сочащуюся кровью царапину на ухе Ли Мэна.

— Это от дротика, — нахмурился он.

— Угу, — буркнул Ли Мэн. — Когда я пробирался сюда, за мной кто-то шёл. Неужели никто не заметил?

Линьхань нахмурился:

— Я тебя-то разглядел, только когда ты к самой середине тренировочной площадки подошёл. А если этот тип прятался у ворот...

Он огляделся. Двор северного спокойствия сейчас кишел людьми, и отыскать таинственного преследователя среди этого хаоса было немыслимо.

Не говоря ни слова, Ли Мэн развернулся и быстро зашагал к жилому корпусу. Линьхань, стараясь не привлекать внимания, поспешил следом, выбираясь из толпы.

— Младший брат, ты куда? — задыхаясь, прошептал Линьхань. Ли Мэн шёл так быстро и легко, словно парил.

Ли Мэн резко обернулся, его взгляд стал холодным:

— Назад. Не ходи за мной. Учитель внизу, будь при нём!

— Да куда ты собрался? — упрямо не отставал Линьхань.

— Тот ублюдок, что зацепил мне ухо, владеет какой-то жуткой техникой. Это не простой бродяга из цзянху.

Ли Мэн вспомнил, как смутьян, требовавший справедливого суда от Мастера Башни, то и дело косился на северо-западный флигель. Если память ему не изменяла, именно там лежал больной Вэнь Сюй. Во дворе сейчас царил кромешный ад, но лютая, скрежещущая зубами ненависть, с которой тот безумец поминал Утёс Разрубленного Дракона, до сих пор заставляла кожу Ли Мэна покрываться мурашками.

Этот тип пришёл либо за Чжао Лои, либо за Вэнь Сюем. Но доказать это сейчас невозможно — в такой неразберихе мальчишку никто и слушать не станет.

Ли Мэн мрачнел с каждой секундой. Он достал своё скрытое оружие — «Медвежью лапу» — и натянул её на ладонь. Окинув взглядом раскрасневшегося от быстрого бега Линьхана, он глухо спросил:

— Ладно, раз привязался — не отставай. Оружие взял?

Увидев в руке названного брата стальные шипы, Ли Мэн глубоко вздохнул:

— Вперёд.

Они поднялись на второй этаж. Внизу толпа из Башни Десяти Направлений уже втягивалась в главный зал усадьбы. Двое дюжих наёмников вели под конвоем связанного Чай Цзиня, волоча его следом за Таоте. Чжао Лои внизу не было видно — скорее всего, он ушёл вперёд.

Лучники, караулившие на галерее второго этажа, спешно сворачивали тетиву и спускались по лестнице. На двух подростков никто не обратил внимания: в Башне мало кто знал друг друга в лицо, а уж до мальчишек в такой суматохе никому не было дела.

Ли Мэн стиснул зубы. То, что чужак так легко проник в святая святых Шифанлоу, объяснялось не только его чудовищным мастерством, но и самой сутью Башни. Убийцы — народ скрытный и нелюдимый. Прожив здесь полтора года, Ли Мэн едва ли знал в лицо десяток человек. Шифанлоу держалась особняком, её члены были связаны лишь заказами и золотом, их узы были куда слабее, чем в обычных кланах цзянху.

Даже сегодня, когда шишу созвали всех под свои знамёна, каждый из этих волков-одиночек думал лишь о собственной шкуре и вряд ли побежал бы слепо выполнять приказы.

На лицо Ли Мэна легла тень. Чем ближе они подходили к заветной двери, тем сильнее его одолевали сомнения. Разум кричал: «Назад!», предчувствуя беду, но ноги упрямо несли его вперёд.

Они бесшумно подошли к дверям опочивальни Вэнь Сюя. Сквозь щели пробивался слабый, едва заметный свет свечи.

Старик, должно быть, действительно угасал — такой шум во дворе, а из комнаты ни звука. Ли Мэн обменялся быстрым взглядом с Линьханем и, набрав в грудь воздуха, толкнул дверь. Она оказалась незапертой. В нос тут же ударил странный, приторно-тяжёлый запах. Обоих подростков сковал мгновенный спазм.

На галерее второго этажа не осталось ни души. В ту же секунду из полумрака выметнулись две бледные руки. Ли Мэна и Линьханя словно подхватила неведомая, необоримая сила — их запястья мгновенно оказались в стальных тисках.

Чужак единым рывком втянул их внутрь и бесшумно прихлопнул дверь. Снаружи всё выглядело тихо и мирно, будто никто сюда и не заходил.

Свеча в медном подсвечнике исходила чадом; тусклый огонёк метался, точно бьющаяся в сетях рыба, тщетно пытаясь вырваться из плена фитиля.

Давно прикованный к постели Вэнь Сюй с трудом повернул иссохшее лицо. Он равнодушно окинул взглядом распластанные на полу тела Ли Мэна и Линьханя своими мутными, подёрнутыми пеленой глазами.

— Я знал... — едва слышно прошепел Вэнь Сюй, и каждое слово давалось ему с великим трудом. — Знал, что ты придёшь... Боялся лишь, что не доживу.

Он хрипло, натужно закашлялся, ловя ртом воздух, и уставился в потолок купола кровати. Взгляд его тускнел.

— Она... она говаривала... что в этой жизни весь мир предал её. И лишь одного человека... предала она сама.

Человек, что проник в Шифанлоу под личиной дяди Бая, медленно потянулся к лицу и содрал маску. Тонкая, податливая фальшивая кожа легла на стол уродливым, бесформенным куском мёртвой плоти, похожим на склизкий ком грязи.

— Чей ребёнок Цюнцзи? — спросил чужак.

Пламя свечи застыло, скованное невидимым давлением его внутренней энергии. На лице мужчины, которому на вид было чуть за тридцать, заиграли мертвенно-белые блики. Кожа его, чистая и гладкая, как дорогой фарфор, казалась лишённой всякой жизни. Он медленно перевёл холодный, стеклянный взгляд на умирающего.

— Он твой родной сын?

Взор старого мастера дрогнул. Две тяжёлые слезы скатились по впалым, истощённым щекам, затерявшись в седых волосах. Он слабо, почти призрачно усмехнулся. Ослабевшие пальцы

судорожно сжали край стёганого одеяла.

— Грехи нашего поколения... пусть умрут со мной, — прошептал Вэнь Сюй. — В его жилах течёт половина её крови. Если ты действительно любил её... тебе должно хватить благородства...

Голос старика оборвался. Из уголка его губ толчком хлынула тёмная, густая кровь. В его стекленеющих глазах отразилось искажённое безумной яростью лицо убийцы.

Дождавшись, пока старый мастер испустит последний вздох, безумец разжал пальцы. Из его руки выпал кинжал — то самое оружие, которым Ли Мэн тщетно пытался ударить его при входе. Чужак медленно распрямился, бережно обтёр свои окровавленные ладони о бесчувственные пальцы Ли Мэна и вложил рукоять кинжала ему в руку.

Он окинул лежащих бок о бок мальчишек безумным, торжествующим взглядом. Он леденяще ухмыльнулся, став похожим на выходца из самых глубин преисподней.

Рассвет медленно заливал комнату серым светом. Ли Мэн очнулся от ноющей боли в пояснице; голова раскалывалась, точно по ней ударили обухом. Он попытался пошевелить рукой — и тут же резкий, приторный запах свежей крови заставил его мгновенно прийти в себя.

Снаружи доносился частый, торопливый топот десятков ног.

Опустив взгляд, Ли Мэн обмёр. Он полулежал на теле пожилого мужчины с окровавленными губами. Сам мальчик сидел на нём верхом, сжимая в окоченевших пальцах рукоять кинжала, глубоко вошедшего в грудь мертвеца.

Густой багровый ручей лениво сочился прямо из-под лезвия. Ли Мэн в ужасе отпрянул и разжал пальцы, будто рукоять была раскалённым железом.

Прежде чем он успел хоть что-то сообразить, дверь с треском распахнулась от мощного удара. В комнату гурьбой ворвались люди.

Разделявшие их десять шагов словно растянулись во времени. Лица вошедших проплывали перед глазами Ли Мэна медленно, точно страницы старой летописи.

На бледном лице Чжао Лои застыла непроницаемая маска. Таоте хмурился, в глазах Таоу читался неподдельный ужас, а Хо Ляньюнь, хоть и сохранял внешнее спокойствие, заметно осунулся и помрачнел.

Кое-как совладав с онемевшим телом, Ли Мэн сполз с покойника. Но стоило его ногам коснуться пола, как колени подогнулись, и он с глухим стуком рухнул на пол.

Он вовсе не собирался каяться — у него просто не осталось сил стоять. Чьи-то гневные крики доносились словно сквозь толщу воды, но разум уже сопоставил факты. Мужчина, застывший на постели с остекленевшим взглядом, был его шицзу — старым мастером Вэнь Сюем.

Мальчика тут же грубо скрутили. Незнакомые люди из Башни навалились на него, заламывая руки. Старейшины и мастера Шифанлоу сгрудились вокруг, яростно и с нескрываемым злорадством обсуждая его участь. Ли Мэн беззвучно хватал ртом воздух. Пару раз он срывающимся голосом крикнул: «Это не я!», но, поняв, что его оправдания тонут в общем гуле и никому не интересны, замолчал и лишь крепко сжал зубы.

Несколько наёмников полукольцом оцепили Чжао Лои. Тот прислонился спиной к массивному шкафу и, дрожащими пальцами набив трубку, сделал глубокую затяжку. Дым попал не в то горло, и он тяжело, надрывно закашлялся.

При каждом его вздохе окружившие его люди напрягались, хватаясь за эфесы оружия, готовые в любую секунду наброситься на него и скрутить вместе с учеником.

— Запереть его пока, — устало выдохнул Таоте, тяжело опустив ладонь на плечо Чжао Лои.

Кто-то из толпы недовольно вякнул, но Хо Ляньюнь среагировал молниеносно. Неуловимым движением он запечатал смутьяну акупунктурные точки, лишая голоса, и пинком отправил его лететь со второго этажа на каменные плиты двора.

К конечностям Ли Мэна наконец начала возвращаться чувствительность, а вместе с ней прояснился и разум. Они с Линьханем ворвались в комнату, попали в ловушку, а очнулся он уже с кинжалом в руке над телом убитого главы Шифанлоу. Всё было разыграно как по нотам.

— Таоте, — раздался чей-то веский, уверенный голос. Ли Мэн не знал, кому он принадлежит. В этот миг ему казалось, что он вообще окружён чужаками. Единственным ориентиром в этом кошмаре оставался Чжао Лои. Мальчик уставился на наставника преданным, умоляющим взглядом.

— Нельзя спускать это ему с рук только потому, что он ученик Цюнцзи! — кричали из толпы. — Паршивец по локоть в крови Мастера. Казнить его сегодня же, чего тут рассусоливать!

— Покойный Мастер был слишком добр к людям! И вот его плата! — злобно выплюнула Хуа Нин, буравя Ли Мэна яростным взглядом. — Взрастил на свою шею неблагодарных тварей! Если убийца не ответит головой, какой смысл нам вообще здесь оставаться? Свет клином на Шифанлоу не сошёлся, наёмникам везде дело найдётся. Я в этом вертепе больше ни минуты не проведу!

— Не рубите с плеча, дева Хуа Нин, — подал голос Хо Ляньюнь, и в его тоне сквозила редкая для него суровость. Он медленно обвёл взглядом собравшихся. — Башня Десяти Направлений — это наш общий дом. Все эти годы она кормила, поила нас и укрывала от врагов. Стоит вам

переступить порог, как старые долги и грехи прошлых лет тут же всплывут наружу, и кровники живо предъявят вам счета. Сейчас важнее всего понять, кто истинный убийца. Неужели вы всерьёз верите, что этот зелёный малец сумел в одиночку лишить жизни великого мастера Вэня?

— Да все знают, что Второй и Четвёртый ученики спелись! — вспыхнула Хуа Нин, её красивое лицо пошло пунцовыми пятнами от гнева. — Мы все своими глазами видели его с окровавленным ножом над телом! Или мы, по-твоему, ослепли? Хватит зубы нам заговаривать и выгораживать щенка!

— Что ж, воля ваша, — лениво отозвался Хо Ляньюнь, вновь принимая привычный небрежный вид. — Даже если дева Хуа Нин решит уйти, я останусь. Золота в казне Башни столько, что мне одному его ни за что не унести.

При этих словах у многих присутствующих вытянулись лица.

Хуа Нин заметила, как дрогнули остальные. Недавний допрос Чай Цзиня приоткрыл завесу над богатствами, скопленными Башней за долгие годы верной службы её наёмников. И Хо Ляньюнь мастерски разыграл эту карту, напоминая о нажитом добре, чтобы удержать людей от раскола. К тому же безопасность играла не последнюю роль. Сама Хуа Нин была одинока и ничем не связана, но многие здесь обзавелись семьями и мечтали лишь о покое, живя на щедрое жалованье Шифанлоу. Сжав зубы, девица заставила себя проглотить обиду и промолчать.

Большинство наёмников теперь выжидающе косились на Чжао Лои. Наконец вперёд выступил пожилой мужчина — тот самый лекарь, что осматривал Чжу Тяня. Ли Мэн сразу его узнал.

— Мастер Вэнь давно угасал, его жизненные силы были на исходе, потому он и призвал четырёх старших учеников назад. Но чтобы всё обернулось так... — Лекарь скорбно покачал головой.

Ли Мэн лишь на мгновение задержал на нём взгляд и снова уставился на Чжао Лои. Заломленные за спину руки ныли от невыносимой боли, но мальчик не издал ни звука. Он ждал решения наставника.

"Заступится ли он за меня? Поверит ли?" — билась в голове отчаянная мысль.

Вэнь Сюй заменил Чжао Лои отца, вырастил его. Оправдаться Ли Мэну было нечем. Поверит ли наставник ученику без улик? Взгляд мальчика стал лихорадочным, глаза налились кровью. Хотелось броситься к учителю, заставить его заговорить, прекратить эту невыносимую пытку ожиданием.

— К счастью, старый Мастер оставил завешание, — продолжал лекарь. — Если мы сплотимся, то без труда преодолеем эту смуту.

Напряжение в комнате спало. Никому не хотелось проливать кровь собратьев. Шифанлоу была для них надёжным прибежищем, созданным руками Вэнь Сюя. Их ярость питалась не только скорбью по великому человеку, но и банальным страхом перед будущим: без лидера Башня могла рухнуть, оставив их ни с чем.

— Таоте — старший ученик покойного главы, — твёрдо произнёс лекарь. — Пусть он и решает судьбу убийцы. Мы подчинимся его воле.

Толпа согласно загудела. Раз уж лекарю было известно о завещании, его почтение к Таоте наводило на мысль, что именно старший ученик станет преемником Вэнь Сюя.

— Верно! Как скажет Таоте, так и будет! — выкрикнули из угла, и остальные дружно подхватили.

Пока наёмники следили, как бы Чжао Лои не вздумал бежать вместе с учеником или просто бросить Башню на произвол судьбы, Ли Мэн не сводил с него глаз. И только он видел, какая буря бушевала в душе наставника: на его лице то и дело сменяли друг друга сомнение, неверие, глухая боль и отчаяние.

Вспышка надежды заставила Ли Мэна рвануться вверх. Суставы отозвались сухим треском, и он не сдержал хриплого крика боли.

— Отпустите его, — глухо приказал Чжао Лои.

— Четвёртый! — предостерегающе рокотал Таоте.

Чжао Лои бросил на старшего брата полный муки взгляд, но стоило ему повернуться к Ли Мэну, как его лицо вновь затянуло ледяным безразличием.

— Это не я! Я не убивал шицзу! — в отчаянии закричал Ли Мэн. Все вокруг могли считать его убийцей, но только не учитель! Только не он!

— А чья кровь у тебя на руках? И чей это кинжал? — Раздался резкий лязг: один из наёмников швырнул оружие прямо к ногам мальчика.

Ли Мэн хрипло дышал. Эту рукоять они с Чжао Лои знали слишком хорошо.

— Клянусь, это не я! — закричал он, срывая голос. — Мы с шисюном едва открыли дверь, как нас чем-то опоили... Мы даже пикнуть не успели! А когда я пришёл в себя, всё уже случилось! Я ничего не помню!

Лицо его пылало. Ли Мэн понимал: если сейчас не убедить их, суда не будет. Люди цзянху не

станут возиться с уликами — они просто прикончат того, кого назначили виновным.

— А где твой шисюн? — спросил кто-то.

Ли Мэн растерянно огляделся и заметил Цюй Линьханя. Тот пытался незаметно затеряться в толпе, но, поймав на себе взгляд названного брата, нехотя вышел вперёд.

Наёмники расступились, кто-то грубо подтолкнул Линьханя в спину. Парень стоял с мертвенно-бледными губами, упорно глядя в пол.

— Ну! Чего язык проглотил? — Один из старших ткнул его в плечо ножнами. — Щенок правду говорит?

Молчание Линьханя заставило Ли Мэна затрепетать от нехорошего предчувствия. Лицо шисюна вдруг показалось ему совершенно чужим. Словно он никогда по-настоящему не знал этого человека. Тот бывал заносчивым, когда звался Ван Ханьчжи, присмирел после того, как его отдали Чжао Лои, во всём подчинялся Ли Мэну и заботился о нём как старший брат. Но сейчас...

— Шисюн, да скажи же им! — не выдержал Ли Мэн, его глаза горели яростным огнём, по щекам текли горячие слёзы.

— Я... я не знаю, — скороговоркой выпалил Линьхань, судорожно теребя подол своей одежды. Он мельком, виновато взглянул на Ли Мэна и тут же отвёл глаза. — Младший брат твердил, будто какой-то безумец пригнал его в усадьбу искать нас с шишу. Потом во дворе поднялся переполох, я увидел, как он крадётсЯ на второй этаж, и пошёл за ним. Он уверял, что ищет того чужака. Мы дошли до дверей комнаты шицзу...

Линьхань запнулся, шумно сглотнул и продолжил:

— А там младший брат велел мне спуститься и охранять учителя. Я... хоть я и старше, но он вошёл в учение раньше меня, делил с учителем кров и стол. Учитель всегда выделял его, так что спорить я не посмел. Да и снизу доносились крики... Вот я и ушёл.

На середине этой речи у Ли Мэна зазвенело в ушах. Он слушал этот бред, не веря собственным ушам. В его чистых, глубоких глазах вспыхнули слёзы смертельной обиды. Он в смятении перевёл взгляд на Чжао Лои, но лицо наставника казалось высеченным из ледника. Мальчик похолодел.

Кто бы ни лишил жизни Вэнь Сюя, Чжао Лои убьёт его собственной рукой. И сделает это без тени сомнения.

Лишь в эту секунду Ли Мэн осознал всю горькую правду. Глупо было надеяться, что учитель

слепо поверит ему. На одной чаше весов лежали долг сыновней почтительности и годы заботы покойного мастера, на другой — навязавшийся в попутчики мальчишка, с которым они едва успели сблизиться по дороге в Башню. Выбор для Чжао Лои был очевиден.

— Линьхань, если ты солгал хоть в едином слове, простым изгнанием не отделаешься, — веско предупредил Хо Ляньюнь.

Линьхань до крови вонзил ногти в ладони. Решившись, он вскинул голову и громко, отчётливо произнёс:

— Моё настоящее имя — не Цюй Линьхань. Я сын Ван Ба.

Те немногие, кто понимал, о чём речь, разом переменились в лице. На Хо Ляньюня устремились подозрительные взгляды. Сейчас, когда легендарный Свиток Сотни Оружий бесследно исчез, наследник Ван Ба сам стал ходячим сокровищем. Никто не знал, какие тайны скрывает эта священная книга цзянху, но все понимали: за ней тянется кровавый след. И то, что два лучших палача Башни — Цюнцзи и Хуньдунь — пригрили парня у себя, заставляло усомниться в их бескорыстии.

— Учитель и шишу спасли мне жизнь, — продолжал Линьхань, заставляя свой голос звучать твёрдо. — Дело слишком серьёзное, чтобы я смел лгать. Но мои слова вовсе не доказывают вину младшего брата. Возможно... возможно, он просто испугался за свою жизнь и немного присочинил. — Он повернулся к Ли Мэну и, впервые глядя ему прямо в глаза, тихо произнёс: — Прости, младший брат. На этот раз я не могу тебя покрывать. Скажи лучше правду.

Ли Мэн рванулся с такой силой, что кости заломленных рук едва не выскочили из суставов. Лицо его побелело от адской боли, но он, точно безумный зверь, пытался пробиться к предателю, яростно суча ногами в тщетной попытке пнуть его.

— Цюй Линьхань, ублюдок, чтоб ты сдох! Тварь брехливая! — от растерянности и ярости он сыпал первыми попавшимися ругательствами, не в силах вымолвить ничего другого.

Мальчика тут же повалили на пол, сильно прижав лицом к каменным плитам. Его нежная кожа мгновенно покрылась ссадинами и налилась синевой. Ли Мэн отчаянно извивался, пытаясь высвободить шею, но тщетно. Свободной оставалась лишь одна рука. Пальцы его медленно, крадучись поползли к спрятанному механизму «Медвежьей лапы».

В глазах Чжао Лои что-то промелькнуло.

Он бесшумно, точно тень, шагнул за спину ученика.

В следующую секунду комнату огласил дикий, полный нечеловеческой боли вопль. Кисть Ли Мэна безжизненно повисла — наставник единым резким движением вывернул ему сустав и

равнодушно сорвал с его руки запрещённую «Медвежью лапу».

— Ах ты щенок паршивый! Ещё и ядом брызнуть решил?! — взревел один из дюжих наёмников и с размаху замахнулся тяжёлым сапогом, метя мальчику в рёбра.

Но удар пришёлся не по Ли Мэну — его перехватила каменная голень Чжао Лои. Здоровяк охнул и навзничь полетел на пол, загремев костями.

— Цюнци, — недовольно поморщился Таоте. — Всё и так очевидно. Как бы то ни было, это твой ученик. Тебе и решать его участь.

Кое-кто из молодых убийц попытался было возмутиться, но тяжёлая волна внутренней энергии, исходившая от Таоу и Хо Ляньюня, мигом остудила их пыл. Наёмники застыли, не сводя напряжённых взглядов с Чжао Лои.

Ли Мэн перестал чувствовать пальцы поломанной руки. Запястье разрывало пульсирующей болью. Его искажённое мукой лицо было мокрым от слёз и грязи.

— Тело учителя нельзя держать здесь, — глухо произнёс Чжао Лои. — Нужно позвать управителя и устроить похороны. Расправимся с мальчишкой после. Его отец — бывший министр юстиции, так что парень наполовину из чиновничьих крыс. Моё недоглядство погубило учителя.

— В этом нет твоей вины, ты просто не уберёг его, — с явным облегчением вздохнул Таоте.

Если бы Чжао Лои вздумал защищать мальчишку, бойни было бы не избежать. Башня Десяти Направлений и так едва держалась, и уход Четвёртого неизбежно увёл бы за собой Второго. В таком случае ни Таоте, ни Таоу не смогли бы удержать угасающий союз наёмников.

— Дядя Ли, я приму двадцать ударов палкой в карательной зале за проявленную беспечность, — безэмоциональным голосом произнёс Чжао Лои. — Но поскольку этот щенок числится моим учеником, казнить его я должен сам. Дайте мне несколько дней. Пусть учитель сначала обретёт вечный покой в сырой земле. Не стоит тревожить его прах пролитием крови.

Эти слова окончательно похоронили последнюю надежду в душе Ли Мэна. За все свои пятнадцать лет самым страшным потрясением для него было разорение родного гнезда и казнь близких. Но тогда времени на скорбь не оставалось — жизнь неслась лавиной, и очень скоро в ней появился Чжао Лои. Наставник стал его путеводной звездой, его смыслом и спасением. А теперь... путеводная звезда погасла, оставив его во тьме.

Таоте кивнул, соглашаясь без колебаний.

Те, кто ещё хотел поспорить, под грозным авторитетом только что усопшего главы не решились

перечить его воле.

Ли Мэн молчал, пока его волокли по коридорам. Но стоило тяжёлой двери деревянного сарая с грохотом захлопнуться за его спиной, как силы оставили его. Он упал на кучу грязной соломы и зашёлся в отчаянном плаче. Солёные слёзы нещадно жгли разбитое о каменные плиты лицо, затекая в рот горьким ядом, но он кричал и выл во весь голос, не разбирая слов.

Лишь глубокой ночью его крик сошёл на хриплый шёпот, а после и вовсе затих — слёзы кончились. Он сидел, вжавшись в самый тёмный угол сарая, баюкая покалеченное запястье. Рука распухла и посинела, став похожей на уродливый корнеплод. Дотронуться до неё было невозможно от острой боли, и ему оставалось лишь крепко сжимать здоровой ладонью предплечье чуть выше перелома.

Ни разу в жизни Ли Мэну не было так больно. От непрекращающихся рыданий его мутило, горло сводило сухими спазмами. Оставшись без капли сил, он лишь мелко вздыхал всем телом, прислонившись затылком к холодной стене сарая. Измученный голодом, стужей и невыносимой болью, мальчик постепенно провалился в беспамятное забытие.

<http://bllate.org/book/18266/1815102>